

А.А. Аузан

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Глобальные институциональные последствия коронакризиса

Аннотация. В статье обсуждаются институциональные последствия пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Показано, что изменения, вызванные пандемией, связаны с цифровой трансформацией экономики и одновременным действием двух схем институциональных изменений, известных в теории как схемы Г. Демзеца и Д. Норта. В статье рассматриваются факторы спроса и предложения институтов. Спрогнозировано снижение приоритета свободы и повышение приоритета справедливости и эффективности государства в «невозможной трилемме» Дж.М. Кейнса. Выделено три варианта предложения политических институтов, основанных на разных типах отношений к правам собственности на персональные данные и разных возможностях обратной связи (модель цифрового тоталитарного государства, модель социального государства устойчивого развития, модель платформенного социального контракта с участием агрегаторов). Показано, что новая точка бифуркации вызвана проблемой прав собственности на персональные данные, а происходящий институциональный сдвиг уже наблюдается в части изменения способов решения проблем оппортунистического поведения, а также в появлении эффекта замещения (вытеснения) государственных институтов цифровыми платформами в сфере сопровождения бизнес-транзакций за счет высокого распределенного доверия.

Ключевые слова: COVID-19, институциональные изменения, персональные данные.

Классификация JEL: B52, O43.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-9

Кризисы нередко возникают на пиках глобализации, потому что развитие взаимосвязанности экономик имеет иногда и эпидемические последствия. Поэтому нельзя утверждать, что ничего подобного эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19 в истории не было. Иногда эпидемии приводили к весьма долгосрочным, важным и положительным институциональным последствиям. Например, эпидемия чумы в Европе («черная смерть» в XIV в.) была колоссальной трагедией и катастрофой, но при правильной институциональной реакции она приводила к прорывному развитию.

Особенность такого рода кризиса состоит в том, что действующие институты находятся под давлением. Главное — изменяются относительные цены активов. Это основной признак кризиса — от внешнего шока, и точно от этого пункта начинаются серьезные последствия — как технологические, так и институциональные.

Мне кажется важным в отношении коронакризиса 2020 г. отслеживать два направления возможных перемен. Первая — очевидный скачок — цифровая трансформация экономики. Эпидемия — суровый учитель, и она

заставила резко ускорить освоение населением цифровых технологий. Нам пришлось за несколько месяцев пройти расстояние, которое в противном случае заняло бы 5–7, а может быть, и 10 лет. Второе — не менее важное последствие и канал воздействия — уникальный исторический момент, когда срабатывают обе схемы институциональных изменений, известные в теории. Я напомним, что Гарольд Демзец выдвинул «шоковую схему институциональных изменений», хорошо применимую к этой ситуации, когда удар должен приводить к изменению относительных цен, а затем — к изменению прав собственности и всей институциональной системы (Demsetz, 1974). А Дуглас Норт предложил альтернативную схему (North, 1989), которая была связана не с внешним ударом, а с изменением опыта и знаний, а в конце концов — вкусов и предпочтений, как это показал Роберт Фогель (Fogel, Engerman, 1974, 1995), получивший в том же 1993 г., как и Д. Норт, Нобелевскую премию по экономике. Мы живем в ситуации одновременного воздействия обеих схем институциональных изменений, потому что локдаун означал, что людям дали пространство и темы для обще-

ния, размышления, погружения в вопросы, которыми они не занимались. И это имеет уже видимые последствия и будет иметь серьезные институциональные следствия в дальнейшем.

Для того чтобы оценить общий фон институциональных изменений, можно сначала посмотреть на факторы спроса на институты, а затем – на факторы предложения, которые сложились при коронакризисе. Коронакризис – это, по существу, цивилизационный кризис. Те ценности, которые еще год назад считались доминирующими, оказались под сомнением. Наша убежденность в том, что мы имеем сильную науку, технологичное образование, эффективное здравоохранение, что в мире есть демократии, которые эффективно решают разнообразные вопросы, – все эти представления пошатнулись. Каким образом можно было бы передать происходящий сдвиг спроса в измеряемых параметрах? В 1932 г. Дж.М. Кейнсом была опубликована работа о невозможной трилемме, где он утверждал, что невозможно одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность (Keynes, 1932). Эта невозможная трилемма позволяет, на наш взгляд, предложить некоторые метрики процесса изменения спроса на институты, а также выдвигать предположения о том, в каком приоритете выстраиваются свобода, справедливость и эффективность – тем самым предьявляя спрос на либеральное государство, социальное государство или диктатуру развития.

Если предсказывать изменения социокультурных характеристик по методикам Р. Инглхарта и Г. Хофстеде (Inglehart, 1990; Hofstede, 1984, 2001), возможен резкий рост ценностей выживания, рост традиционных, а не секулярно-рациональных ценностей. И то, и другое плохо для инновационного развития. С точки зрения карты Инглхарта возможен рост индивидуализма, но при этом положительные последствия, которые связывают с открытым (бриджинговым) социальным капиталом (высоким доверием к другим людям), может подвергаться эрозии под воздействием ограничительной санитарной политики. Скорее всего будет повышаться дис-

танция власти и несомненно будет повышаться избегание неопределенности. Последнее тоже плохо влияет на инновационную политику, венчурное финансирование и т.д. В целом я бы прогнозировал снижение приоритета свободы при возможном повышении приоритета справедливости и эффективности государства.

Теперь о предложении институтами. Мне представляется, что за неполный год сложилось три принципиально разные модели предложения на политических рынках, которые связаны с разным способом выживания и изменением относительных цен активов.

Во-первых, полагаю, что КНР сформировала предложение цифрового тоталитарного государственного контракта, где персональные данные присваиваются государством. Экономические результаты в КНР в 2020 г. будут лучше, чем у кого-либо из ее крупных конкурентов. Китай решил проблему, которая была неразрешимой для тоталитарных режимов XX в. Напомню, она была обозначена в классификации Винтроба (Wintrobe, 1998) и связана с тем, что за пределами высокие издержки слежки за своими подданными приводят к тому, что люди начинают себя вести фаталистически. Это связано с тем, что наказания невиновных так же вероятны, как и наказания виновных, поэтому теряется реальный контроль над населением и лояльность приходится покупать. Эта проблема решена в Китае благодаря цифровому скринингу. Но полагаю, что тоталитарные схемы создают недостаточно стимулов для внутренней инновационной активности и, кроме того, требуют определенных культурных и идеологических предпосылок, которые нельзя назвать всеобщими.

Второй вариант предложения символически обозначен «Швеция». Суть этого варианта – предложение социального государства с сочетанием приоритетов справедливости и свободы с расчетом на ответственное поведение самоорганизованного населения. Такие методы могут дать определенный результат, но вряд ли они дадут высокую экономическую эффективность. И инновационная активность в социал-демократическом обществе будет скорее инкрементной, а не радикальной.

Третий вариант основывается на резком росте цифровой индустрии, потому что по сути мы пришли к формированию цифровых экосистем – квазигосударств, которые обеспечивают более высокую достоверность обязательств, чем обычные государственные институты. И в этих системах находятся миллионы «цифровых граждан», расширяющийся круг приложений, пользовательское соглашение вместо конституции, а главное – администрирование на основе технологий искусственного интеллекта. Но и здесь тоже есть проблемы: возможен монополизм, возможны конфликты с национальными правительствами – и прежде всего по поводу криптовалют, права на эмиссию – возникает проблема обратной связи и возможности воздействия на пользовательское соглашение. Все типы социальных контрактов связаны с двумя важными характеристиками: типами отношений к защите персональных данных (к правам собственности на персональные данные) и возможностями обратной связи.

К вопросу о персональных данных. Когда резко выросла относительная цена рабочей силы, сформировались нынешние траектории движения стран – то, что в (Maddison, 2007) называется траектории А и В; в (North et al., 2009) – порядком ограниченного и открытого доступа; в (Robinson, Acemoglu, 2012) – экстрактивными и инклюзивными институтами. Думаю, что новая точка бифуркации связана с проблемой прав собственности на персональные данные. Наименее реальный вариант – люди смогут сами защитить свои персональные данные, что требует слишком высоких издержек – большого ресурса внимания. Наиболее распространенные в данный момент варианты решения – или китайский вариант собственности, которая уходит государству, или американский вариант, где специальных институтов практически не создается, поскольку расчет сделан на то, что конкуренция и судебная система защитят признанные номинально права собственности на персональные данные.

Представляется перспективным, в том числе для России, европейский вариант защиты. Европа (в первую очередь – Эстония)

стала активно создавать институты защиты прав собственности человека на его персональные данные. Полагаю, что и внутри квазигосударственных цифровых экосистем есть скрытые возможности защиты. Напомню историю с Telegram: основатель Telegram Павел Дуров утверждает, что в архитектуру системы заложены средства защиты персональных данных (хотя некоторые специалисты это оспаривают), но, возможно, что существует и такое решение в духе коммунального режима на основе новых технологий. Думаю, что от выбора, варианта предложения, который примет та или иная страна, будет зависеть отдаленное будущее этой страны, как это было в предыдущей точке бифуркации (во время «Черной смерти» – эпидемии чумы в Европе в XIV в., так называемого «Великого разделения»).

Теперь поговорим о принципиальном институциональном сдвиге, который уже произошел. Вернемся к цифровым платформам, агрегаторам и экосистемам. Здесь есть явные признаки не модификации, а принципиального изменения институтов. Во-первых, по-новому решаются традиционные проблемы оппортунистического поведения. Так, например, проблема рынка лимонов Акерлофа (Akerlof, 1978) и проблема безбилетника по Мансону (Olson, 1965) решаются совершенно другими способами и весьма эффективно. Во-вторых, оказывается, что традиционные методы государственной политики в отношении этих цифровых платформ, как правило, оказываются неэффективными, в частности в том, что касается антимонопольной политики, государственной системы стандартизации и лицензирования компаний. Весной 2020 г. мои коллеги из экономического факультета (МГУ) выявили на анализе европейских данных очень важный факт: существует эффект замещения (вытеснения) государственных институтов цифровыми платформами в сфере сопровождения бизнес-транзакций благодаря тому, что там есть высокое (так называемое «распределенное») доверие – принципиально более высокое, чем за пределами цифровых платформ, благодаря высокой достоверности исполнения обязательств, которые обеспечиваются администри-

рованием на основе технологии искусственного интеллекта (Никишина, 2020).

В России мы также можем видеть сходные тренды. Очень показательны результаты количественного исследования, которое мы провели вместе с РВК и ИНП в июле–августе 2020 г.: можно было увидеть, как поворачивается колесо сансары, как меняется ситуация в треугольнике Кейнса, построенном на основе его невозможной трилеммы¹. Если в исследовании 2017 г. на первых местах по значимости стояли «Свобода» и «Широта выбора»², то теперь они оказались на третьем месте. Третьими по приоритету – не означает несущественными! Но очень заметно вырос приоритет «Эффективность государства» в расчете на то, что государство будет решать эти проблемы. И по-прежнему на второй позиции значимости остается «Справедливость».

В вопросе о персональных данных очень важно, какой вариант предложения будет принят, если мы согласимся с гипотезой, что персональные данные есть ключ ко всей системе поиска новых траекторий развития. Следует подчеркнуть, что вариант цифрового тоталитаризма в России спросом не пользуется, несмотря на то что «свобода» вроде бы ушла на третье место в приоритетах; 55% наших сограждан считают, что только они вправе передавать или не передавать эти данные государству; 40% – тоже вводят серьезное ограничение на использование принадлежащих им персональных данных и готовы согласиться на то, что государство забирает их данные только в двух случаях: если речь идет об антикриминальных или антиэпидемических действиях. Причем в вопросе ограничения передвижений, пропусков страна расколота практически пополам, потому что право мобильности, свободы мобильности – очень серьезная проблема с точки зрения индивидуальных прав и воз-

можностей. При этом статус-кво не принимается – существует чрезвычайно низкое доверие к тому, что государство реально защищает персональные данные: до 30% в это верят «в какой-то степени», но только 6% верят этому «достаточно твердо»³.

Мы, кажется, входим в турбулентный, сложный, но очень интересный период новых сильных институциональных поворотов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Никишина Е.Н.** (2020). Доверие и шеринговые платформы // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. №. 4. С. 71–83. [Nikishina E.N. (2020). Trust and sharing platforms. *Moscow University Economics Vestnik Bulletin. Series 6. Economy*, 4, 71–83 (in Russian).]
- Akerlof G.A.** (1978). The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *Uncertainty in Economics*. New York: Academic Press, 235–251.
- Demsetz H.** (1974). *Toward a theory of property rights. Classic papers in natural resource economics*. London: Palgrave Macmillan.
- Fogel R.W., Engerman S.L.** (1974). *Time on the cross: Evidence and methods – a supplement*. Boston: Little, Brown and Company.
- Fogel R., Engerman S.L.** (1995). *Time on the cross: The economics of American negro slavery*. Vol. 1. New York: WW Norton & Company.
- Hofstede G.** (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Vol. 5. N.Y.: Sage Publications.
- Hofstede G.** (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. New York: Sage Publications.
- Inglehart R.** (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton: Princeton University Press.

¹ Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса (https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf).

² Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ (https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf).

³ Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса (https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf).

- Keynes J.M.** (1932). The dilemma of modern socialism. *The Political Quarterly*, 3, 2, 155–161.
- Maddison A.** (2007). *Contours of the World Economy 1-2030AD*. Oxford: Oxford University Press.
- North D.C.** (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*, 9 (17), 1319–1332.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.** (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M.** (1965). *The logic of collective action*. Public goods and the theory of groups. Cambridge: Harvard University Press.
- Robinson J.A., Acemoglu D.** (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*. London: Profile.
- Wintrobe R.** (1998). *The political economy of dictatorship*. New York: Cambridge University Press.

Поступила в редакцию 10.02.2021

Received 10.02.2021

A.A. Auzan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Global institutional consequences of coronavirus

Abstract. This article examines the institutional consequences of the COVID-19 pandemics. It is shown that the pandemic-associated changes are related, first to the economy digital transformation, and second to 2 institutional changes schemes acting simultaneously. In the institutional theory the above mentioned schemes are reflected in the works of H. Demsetz and D. North. The author of the article examines factors related to demand and supply of institutions. The article forecasts that in the framework of J.M. Keynes' «impossible trinity» the priority of freedom is to decrease while the priority of justice and efficiency of a state is to increase. The article distinguishes three models of political institutions supply, depending on their relation to personal data property rights and feedback capabilities: the digital totalitarianism model, the social state of sustainable development model and the model of platform-based social contract with aggregators participating in it. It is shown that the new bifurcation point is related to the personal data property rights problem and that the present institutional change can already be seen in the modification of the approaches to opportunism/opportunistic behavior problem solving as well as in the sphere of business transactions support as governmental institutions are substituted (crowded-out) by digital platforms due to high levels of «allocated» trust.

Keywords: COVID-19, institutional changes, personal data.

JEL Classification: B52, O43.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-9